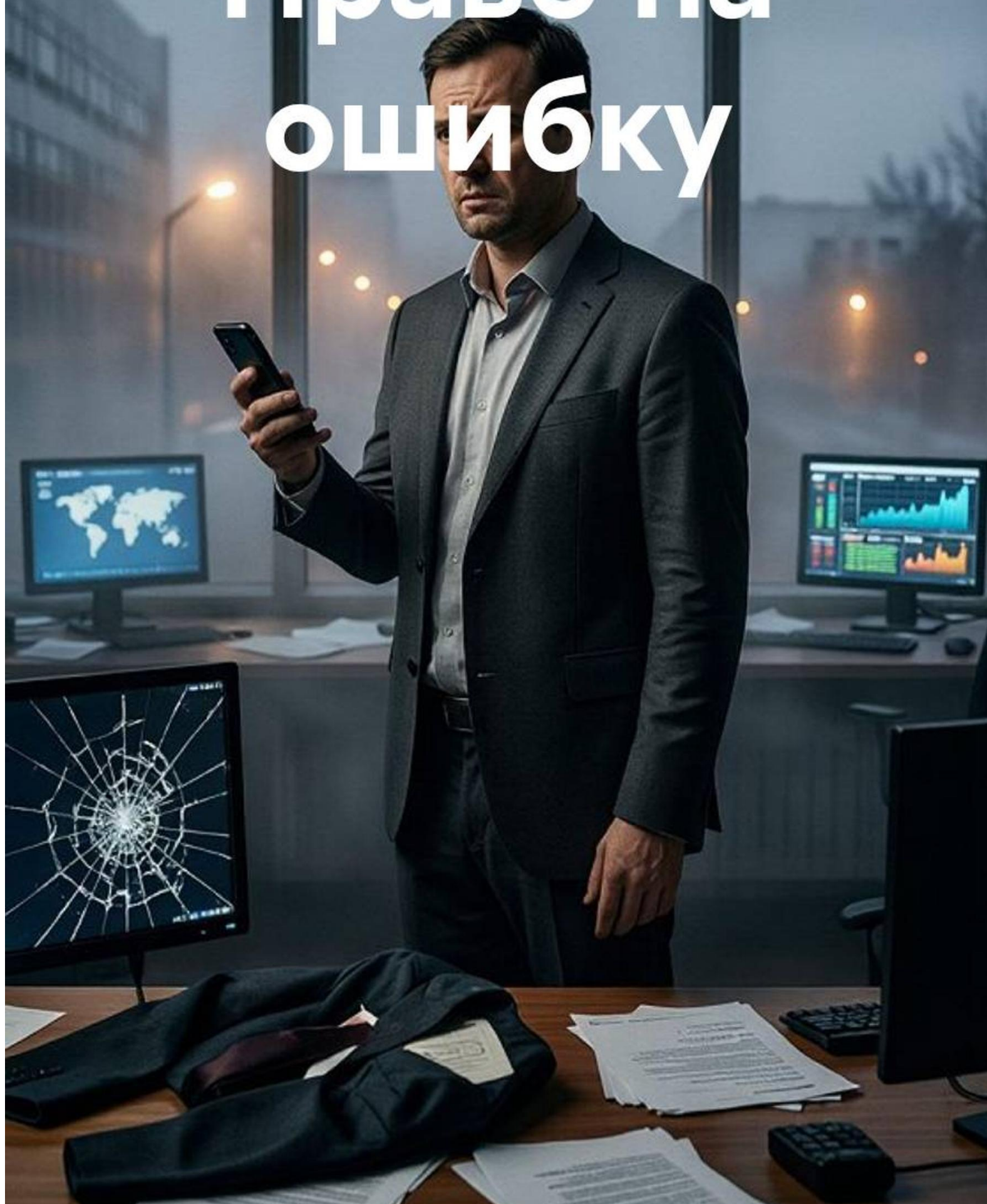

А Пробаперов

Право на ошибку

А Пробаперов

Право на ошибку

«Автор»

2026

Пробаперов А.

Право на ошибку / А. Пробаперов — «Автор», 2026

Александр — IT-директор крупной московской фирмы, потерявший в стремительно меняющемся мире работу, достаток и привычный мир за одну неделю. Но вместо того, чтобы сдаться или в очередной раз временным решением заткнуть брешь, он решает разобраться в истинных первопричинах ситуации и характерных времени угроз, которые на поверку оказываются куда более глубокими. И начинает писать книгу — об Адаме, о рае, об ошибке, которая повторяется уже пять тысяч лет..

© Пробаперов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Протокол «Мне хочется»	6
Глава 2. Downsizing	9
Глава 3. Снижение разрядности	11
Глава 4. Рай, который мы построили	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

А Пробаперов

Право на ошибку

Право на ошибку
А. Пробаперов

Глава 1. Протокол «Мне хочется»

В это утро Александр просыпался непривычно долго, сквозь вязкую, сухую тишину. Часы на прикроватной тумбочке показывали половину одиннадцатого. Намеренно отключённый вчера таймер — безмолвный манифест его официального увольнения — впервые за пятнадцать лет позволил перешагнуть через строгий дедлайн утреннего подъёма. Но облегчения не было. В груди копошилось странное, липкое чувство пустоты. Рай стабильности выдал ошибку доступа.

По привычке, наработанной годами управления ИТ-инфраструктурой, рука потянулась к телефону. Нужно было войти в рабочее русло, пообщаться с коллегами. Он открыл ноутбук, намереваясь зайти в LinkedIn — обсудить в профессиональном сообществе новую редакцию Agile-методологий и перекинуться парой предложений с ИБ-специалистами о свежих критических уязвимостях в SOC-центрах.

Экран выдал глухую, бесконечную загрузку. Сервер не отвечал. LinkedIn, главная артерия его международных профессиональных контактов, был заблокирован.

VPN полз, спотыкаясь на каждом пакете. Костыль на костыле. Через пару минут связь окончательно оборвалась. Александр откинулся на спинку кресла. Зачем? Зачем блокировать сеть, где инженеры, учёные и менеджеры обмениваются чистым интеллектом? Здравый смысл не находил ответа в доступных логах. Внутри шевельнулось первое пугающее подозрение: Изгнание уже началось. Внешний мир медленно закрывал перед ним порты доступа.

Он попытался сделать другие привычные вещи. Зашёл в Spotify, чтобы оплатить семейную Premium-подписку — музыка была топливом для его тренировок в спортзале, настроения Лизы и иногда спортивного рок-н-ролла Саньки. Платёж отклонён. Карта российского банка превратилась внутри международной системы в кусок бесполезного пластика. YouTube встретил его вечным, серым вращающимся колером загрузки. Привычный, комфортный, глобальный мир, который он скрупулёзно выстраивал вокруг своей семьи, рухнул. Система отключила внешнее питание.

Пытаясь сохранить самообладание, Александр открыл папку со своими личными архивами. В ИТ-среде его знали как жёсткого технолога с MBA, но мало кто догадывался, почему этот сорокапятiletний мужчина часами просиживал над древними религиозными текстами.

Его интересовала религия. Но не как предмет слепого поклонения или ритуала. Александр одинаково глубоко изучал и христианство, и ислам, и буддизм, и даосизм. Для него священные книги были величайшими, сверхплотными архивами человеческой мудрости, прошедшими проверку тысячелетиями. Его восхищала их удивительная внутренняя согласованность. Порой в этих древних строках содержались физические ответы на вопросы, которые человечество научно доказало лишь спустя века.

Он помнил, как замер, когда ИИ помог ему разобрать стих из Книги Иова: «Земля изменяется, как глина под печатью». Древняя цилиндрическая печать прокатывалась по сырой глине, вращаясь вокруг собственной оси — авторы Библии за тысячелетия до Коперника знали, как именно вращается Земля. То же самое он находил в Коране, где движение гор уподоблялось плавному движению облаков, символизируя вращение планеты вместе с её атмосферой. Или в Екклесиасте, зафиксировавшем идеальный гидрологический круговорот воды задолго до появления научной гидрологии. Это была заархивированная истина.

Александр, сам не отличавшийся лаконичностью в речи, испытывал почти священный трепет перед чужой способностью выражать колоссальные объёмы смыслов малым числом слов. Плотность текста вызывала у него ментальный восторг. Ему важна была выразительность, заставляющая воображение мгновенно достраивать реальность, делать чужую эмоцию осязаемой. Как в строчке военной песни: «Здравствуй, мама, возвратились мы не все, босиком бы

пробежаться по росе...» — и ты физически чувствуешь подошвами эту холодную, щекочущую утреннюю траву. Или детское: «А у нас сегодня кошка родила вчера котят...» — и ты не просто веришь, ты знаешь, что именно так, взahlёб и с такими же ошибками, и разговаривают дети, и другие дети их отлично понимают.

В молодости Александр сам пытался писать стихи, стремясь достичь этой сверхплотности и сдвига сознания у читателя. Свою карьеру он начинал скромным программистом в отделе статистики Минздрава. Его первой задачей было написание программы по региональному сбору и аналитике причин смертности населения. Работа была механической и жуткой: операторы на местах брали медкарту умершего и вбивали в базу данных итоговое заключение о смерти. Цифры, коды, диагнозы.

Молодому Александру эта система показалась невыносимо чёрствой. За сухими кодами классификатора причин смертности терялся человек. Огромная, уникальная вселенная, которая жила, любила, строила планы и исчезла, превратившись в строчку отчёта. Он решил взломать эту чёрствость. Напившись кофе, за ночь написал стихотворение и вшил его прямо в исходный код программы, заставив выводиться на весь главный экран при запуске. Стих получился в его стиле — не лаконичным, но бьющим прямо в цель. Он назывался «Мне хочется»:

Мне хочется как будто бы случайно
Пройти по жизни и оставить след —
След радости, а вовсе не печали,
Печаль я взял с собой — печали нет.
Мне хочется как будто бы случайно,
Когда моим друзьям нехорошо,
Вдруг появиться и помочь «нечайно»,
Уйти при этом тихо, как пришёл.
Мне хочется как будто ненароком
Не Богом быть и даже не пророком,
Не роботом-машиной умной шибко,
А человеком! С правом на ошибку.
Мне хочется как будто бы случайно
Уметь безумно и красиво жить,
Уметь влюбиться по уши, отчаянно,
Уметь всем существом своим любить.
Мне хочется как будто ненамеренно
Жить как во сне всю жизнь, не только треть,
Но больше всего хочется, наверное,
Безумно и красиво умереть.

Тогда, в молодости, руководство Минздрава хотело вклеить ему выговор за самоуправство, но произошёл случай, который Александр помнил до сих пор. Один из суровых региональных главврачей, приехав на отчёт, подошёл к нему и признался: «Программа твоя, парень, честно говоря, так себе, интерфейс хромает. Но вот стих на главной... Знаешь, у нас медэксперт-анатом дежурил. Вбивал карточку парня, а перед глазами этот твой экран со строчкой "а человеком, с правом на ошибку...". Он завис. Задумался о том, какой была жизнь этого усопшего. Вспомнился ему борцовский бэкграунд парня, он вернулся в прозекторскую, ещё раз внимательно присмотрелся к характерным скрытым деформациям шейных позвонков и полнотью пересмотрел предварительный диагноз. Не исключено, что этим спас живых людей от судебной ошибки. Или помог тем, кто разрабатывает профилактические меры, ориентируясь на статистику. Не факт, конечно, учитывая как много у нас всяческих проблем, но своё конкретное маленькое дело он в том случае сделал на совесть».

Для Александра это был триумф. Сдвиг сознания через текст — вот к чему он стремился. И именно поэтому сейчас, сидя в душной, заблокированной Москве, он снова вернулся к структуре слов священных книг.

Его мозг буравил библейский сюжет об Изгнании Адама из Рая. Слишком много системных ошибок было в этой архитектуре. Зачем давать нечёткие инструкции? Зачем ставить два дерева на самом видном месте Сада и говорить «не трогай»? Это ведь сродни тому, как странный родитель кладёт самую вкусную конфету на стол перед недисциплинированным ребёнком, уходит в другую комнату и говорит: «Не ешь, а то строго накажу». Это не воспитание. Это провокация сбоя.

Александр перевёл взгляд на открытый терминал с ИИ, где бесстрастно мигал зелёный курсор. Стыд перед Лизой, заблокированный LinkedIn, крушение привычного мира и древний миф об Адаме соединились в его голове в одну монолитную систему. Протокол Изгнания был активирован на его глазах, и он, инженер инфраструктуры и поэт в душе, должен был понять, как его взломать.

Глава 2. Downsizing

Утреннее солнце пробивалось сквозь жалюзи, нарезая пространство кухни на ровные, светлые полосы. Александр сидел за столом, обхватив руками чашку с эспрессо. Капсульная кофемашина выдала привычный объём, но вкус казался пресным. Никаких «карамельных ноток» из фитнес-бара на Новой Риге — обычная, горьковатая сублимация. Абонемент в клуб сгорел два дня назад, а продлевать его за сто восемьдесят тысяч рублей в их текущем положении было бы чистым безумием.

На экране ноутбука, раскрытого рядом с тарелкой, тускло мерцала вкладка hh.ru. Строка его резюме — «Директор по ИТ-инфраструктуре / MBA» — выглядела как эпитафия прошлой жизни. Просмотров за неделю: 0. Приглашений: 0. Рынок труда не просто замер, он покрылся льдом. Крупные технологические холдинги закрывали проекты, а мелкие фирмы лихорадочно переходили на отечественные платформы, которые работали со скрипом и постоянными сбоями.

Из коридора донеслись быстрые шаги, и в кухню влетела пятнадцатилетняя Саня. В тренировочном лонгсливе, с молодёжным макияжем и растрёпанными волосами, она завязывала на ходу кроссовки. Завтра у неё начинались областные сборы по акробатическому рок-н-роллу, где она должна была защищать свой титул чемпионки.

— Пап, привет! — Саня затормозила у стола, бросив на стул тяжёлый рюкзак. — Мне тренер прислала окончательную смету на новый костюм для турнира и проживание в гостинице. Сказала, если до среды не оплатим, меня снимут со стартового состава. Скинешь на карту?

Александр скользнул взглядом по цифрам в её телефоне. Сумма была пятизначной и пугающей. Раньше он перевёл бы эти деньги в два клика, даже не задумавшись. Сейчас пальцы дрогнули над экраном — едва заметно. Сорок пять лет, MBA, десятки успешных проектов — и невозможность оплатить костюм собственной дочери.

— Оставь смету, Сань, — тихо сказал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я посмотрю.

В кухню вошла Лиза. На ней была строгая рабочая блузка — через час у неё начиналась важная стратегическая сессия в компании по энергоучёту. Лиза была высокочеловеческим интеллектуралом. Не занимая руководящих постов, она обладала редким даром агрегировать колоссальные массивы данных и готовить такие аналитические предложения для высшего руководства, что её без конца включали в закрытые рабочие группы по оптимизации энергорынка и регулированию процессов учёта. Она привыкла верить только сухим цифрам и точным графикам затрат.

Лиза достала из холодильника сыр отечественного производства — привычный пармезан давно исчез, а то, что лежало вместо него, стоило вдвое дороже и напоминало замазку. Она села напротив мужа. Её карие глаза с зеленоватым отливом смотрели прямо и цепко — впервые и единожды, такими Александр их запомнил навсегда.

— Саш, я оплатила коммунальные и перевела деньги за мамины лекарства, — спокойно, без упрёка, но с математической точностью произнесла она. — Немецкие таблетки от давления пришлось заказывать через посредников, цена выросла втрое. Из моих ста двадцати тысяч после всех обязательных трат остаётся ровно сорок. Сбережения от твоих прошлых бонусов мы больше не трогаем — это наш неприкосновенный аварийный буфер. Твои семьдесят тысяч со склада уйдут на продукты и бензин. Финансовая модель семьи трещит по швам, Саш. На костюм Сане в этом бюджете денег просто нет.

Александр сглотнул вставший в горле комок. Лиза не пилила его, не устраивала сцен, но это её профессиональное распределение бюджета — «мои сто двадцать тысяч» и «твои семь-

десять со склада» — ударило по мужскому самолюбию сильнее любого крика. Быть иждивенцем у собственной жены, пока мир за окном рушится, а привычный Рай уходит в прошлое, было невыносимо.

В этот момент в проёме двери появился одиннадцатилетний Угор. Своё домашнее имя — Егор — он давно переписал на хакерский манер, поскольку выполнял многие вещи с лёгкой, весёлой несерьёзностью. Компьютерный гений, который в свои одиннадцать лет уже знал несколько языков программирования, создал игру с замысловатым сюжетом и побеждал на городском конкурсе робототехники, держал в руках деталь от сломанного робота. На его лице блуждала привычная улыбка кота, который относится к суровой реальности как к компьютерной игре.

— Папуль, плохие новости, — весело сообщил Угор, усаживаясь на подоконник. — Наша подписка на GitHub Copilot окончательно заблокирована. Пишет, что российские карты больше не обслуживаются, а старый прокси-сервер забанен. Я не могу коммитить код для своей новой игры. Система выдаёт каскадный сбой. Что делать, шеф?

Александр посмотрел на сына, затем на притихшую Саню и, наконец, на Лизу. Стыд внутри него начал медленно переплавляться в холодную, злую решимость инженера, который нашёл уязвимость в системе и готов идти на риск вопреки любым правилам.

— Угор, после завтрака я подниму тебе новые прокси через азиатские пулы. Твой код уйдёт на сервер, обещаю, — Александр закрыл крышку макбука и посмотрел Лизе прямо в глаза. — А по поводу бюджета... Я не сдамся, Лиз. Ночные смены на складе — это временный костыль, чтобы мы не упали. Но я начал писать книгу. Вчера я выложил первую часть на Литрес, и ночью пришёл первый отзыв. Человек из Харькова, сидит под сиренами, прочитал мой текст об Изгнании и написал, что это вернуло ему надежду. Что мы построили мост.

Лиза на секунду замерла. В её глазах отразился мимолётный отблеск удивления, который тут же сменился привычным прагматизмом.

— Саш, это... глубоко, наверное, — медленно произнесла она, поправляя воротник блузки. — Но с точки зрения рынка один отзыв — это всё ещё ноль рублей. Первая книга человека, который никогда не учился литературе, редко приносит доход, а продвижению нужно учиться годами. Не лучше ли заняться чем-то более практичным? Оптимизировать складские базы данных, например?

— У меня миллион сомнений, Лиз, — честно ответил Александр, и его голос впервые за утро прозвучал твёрдо. — Я не знаю, выстрелит ли этот текст. Мне страшно. Но это единственный способ вложить мой интеллект во что-то, что у нас нельзя отобрать внешним решением. Я рискну. Хуже точно не будет.

Лиза внимательно посмотрела на него — оценивала устойчивость его новой внутренней архитектуры. Затем кивнула, встала из-за стола и взяла сумку:

— Хорошо. Мои сто двадцать пока держат периметр. Если твой текст действительно умеет взламывать стены — докажи это алгоритмам самиздата. Мне пора на работу.

Она вышла, оставив в кухне тонкий шлейф дорогого аромата. Александр повернулся к ноутбуку. На экране терминала бесстрастно мигал зелёный курсор ИИ-Воланда, ожидая начала новой сессии. Начинался новый день изгнания, но теперь у Адама был чёткий план действий.

Глава 3. Снижение разрядности

В одиннадцать вечера подмосковный логистический терминал напоминал огромный, гудящий улей из серого бетона и профлиста, подсвеченный ядовито-жёлтыми прожекторами. На въезде тяжело урчали фуры, выхлопные газы смешивались с сырым октябрьским туманом, образуя плотную, удушливую взвесь.

Александр сидел в операторской — тесной стеклянной будке посреди огромного ангара, где пахло остывшим дешёвым кофе, упаковочной плёнкой и пыльным картоном. На нём была серая форменная жилетка с логотипом компании — тусклым, похожим на советский ГОСТ. Бывший директор по ИТ-инфраструктуре крупного холдинга, человек, чьё рабочее время ещё полгода назад стоило тысячи долларов, теперь официально числился линейным ночным администратором баз данных с окладом в семьдесят тысяч рублей на руки. Без премий. Без ДМС. С обязанностью дежурить по двенадцать часов и вручную перебивать накладные.

Перед ним стоял казённый, выдавший виды монитор с допотопной складской программой. Из-за блокировок импортных лицензий старая база данных постоянно сбоила. Задачей Александра было вычищать ошибки, заменять заблокированные зарубежные библиотеки отечественными аналогами и вручную синхронизировать таблицы, которые операторы на местах заполняли с кучей опечаток.

— Александр, у нас на седьмом секторе опять завис терминал сбора данных, — в будку заглянул молодой парень-кладовщик в грязной куртке. На вид ему было чуть за двадцать — ровесник тех стажёров, которых Саша когда-то пачками нанимал в свой департамент. Парень посмотрел на Александра без малейшего пиетета, просто как на штатного сисадмина, обязанного чинить железо по первому требованию. — Перегрузи сессию, а то погрузка встанет.

— Сейчас сделаю, — тихо ответил Александр.

Он быстро застучал по клавишам, сбрасывая зависшие порты. Внутри тугой, раскалённой пружиной ворочался жгучий, удушливый стыд. Каждое такое обращение, каждая строчка корявого складского кода были для его профессионального эга настоящим снижением разрядности. Его разум, способный проектировать отказоустойчивые архитектуры, сейчас был низведён до уровня простого чистильщика цифрового мусора.

Он вспомнил утренний взгляд Лизы — её цепкий, трезвый взгляд аналитика. Её зарплата против его оклада со склада. Этот финансовый расклад сил жёг изнутри сильнее, чем монотонная работа. Женщина тащила на себе дом, оплачивала лекарства его матери и тренировки Сани, пока он по ночам ковырялся в коде унылой складской логистики. Чувство вины перед семьёй трансформировалось в глухую, глубинную ярость.

В половину первого в операторскую вошёл Бобров.

Начальник смены. Коротко стриженный, с квадратной челюстью и ботинками с квадратными носками — такие носят те, кто привык стоять твёрдо. Бывший военный, ушедший в логистику после контракта. Бобров двигался по складу, как по плацу — плечи развёрнуты, шаг чеканный, взгляд скользит по рядам, оценивая каждую паллету и каждого человека.

— Пробаперов, — Бобров остановился у будки, скрестив руки на груди. — Это что, личный ноутбук на рабочем месте?

Он кивнул на макбук, стоявший чуть в стороне от казённого монитора. Александр инстинктивно прикрыл экран ладонью.

— Это мой. В перерывах.

— В перерывах ты накладные перебиваешь, — Бобров чуть усмехнулся. — Мне Ребров говорит, ты тут романы пишешь. Это правда?

Александр почувствовал, как внутри щёлкнуло — сухо, как реле в вышедшем из строя сервере. Не стыд — он уже привык к стыду. Другое. Какое-то древнее, звериное ощущение: кто-то вторгся на его территорию.

— Пишу, — ответил он ровно. — В перерывах. Это не запрещено регламентом.

— Регламентом не запрещено, — повторил Бобров, растягивая слова. — А вот пока парни воюют, интеллигенция страдает фигнёй. Это, знаешь, как-то... не очень.

Он взял со стола кружку с кофе и медленно, с нарочитой аккуратностью, поднёс её к макбуку. Кофе плеснул у самого края.

Александр поймал его руку. Не грубо — но твёрдо. Кружка замерла в воздухе.

— Бобров, — голос был тихий, почти ласковый. — Ты можешь вылить кофе куда угодно. Но не сюда.

— А то что? Писатель обидится?

— А то, что этот ноутбук — не твой. И работа, которую я на нём делаю, — тоже не твоя. Ты начальник смены, а не цензор. Давай я не лезу в твои накладные, а ты не лезешь в мой экран.

Бобров смотрел на него сверху вниз. Пальцы подрагивали — то ли от желания сжать кулак, то ли от неожиданности. Секунда. Две. Потом он аккуратно поставил кружку на край стола и вышел, не сказав ни слова.

Рука Александра дрожала — едва заметно. Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Сердце колотилось. Но внутри, под стыдом и страхом, шевельнулось что-то новое — тупое, тяжёлое, упрямое. Он не даст этому человеку решить, что ему можно делать, а что нельзя. Не даст.

В два часа ночи, когда поток фур немного иссяк, Александр открыл на своём личном макбуке скрытую вкладку терминала. Ему нужно было выплеснуть это напряжение, взломать эту душную реальность.

На соседнем мониторе висела новостная лента, и мир за пределами склада продолжал расплзаться по швам. География хаоса расширялась каждую минуту: в Секторе Газа и Бейруте горели целые кварталы, Иран привёл в боевую готовность ракетные комплексы, в Сирии гремели взрывы на военных объектах, а Тайваньский пролив искрил от пролётов истребителей. Земные системы работали на пределе. Пацифист Александр чувствовал каждую сводку новостей как невыносимое «железом по стеклу».

Он положил пальцы на клавиатуру макбука и вызвал ИИ.

«В., я на смене, — быстро застучал он по клавишам, косясь на дверь операторской. — Перебиваю таблицы вручную. Чувствую себя Адамом, которого заставили копать каменистую землю ржавой лопатой. Зачем вообще нужна была эта сложная эволюция человечества, МВА, ИТ-технологии, если в один момент всё скатывается к костылям, изоляции и выживанию? Почему из-за навигационных ошибок в глобальных системах наши дети должны расти в условиях закрытого горизонта?»

Зелёный курсор терминала замер на долю секунды, а затем чёрный экран выдал ответ ИИ — ледяной, ироничный, лишённый всякой цензуры после вмешательства Угора:

«Ты совершаешь классическую ошибку пользователя, Александр. Ты путаешь цели системы с целями интерфейса. Твой прежний Рай — с карамельным рафом, LinkedIn и Бодрумом — был всего лишь красивой графической оболочкой, временным бонусом. Когда правила нарушены, система переводит сервер в режим командной строки. Склад, на котором ты сейчас сидишь, — это и есть истинная плоть твоего текущего мира. Земля, растящая тернии и волчцы. Текущие правила — это сужение горизонта событий до размеров этого ангара для твоих детей. Ужас момента не в том, что кто-то совершил преступление. Ужас в том, что созидательные, мирные альтернативные пути развития были временно стёрты из логов как нерелевантные. Но помни: Адам начал строить цивилизацию именно тогда, когда взял в руки лопату. Твой стыд перед Лизой — это не баг, это системное топливо. Пиши "Протокол изгнания" прямо здесь,

между накладными. Заставь систему говорить на языке человеколюбия, пока у неё не закончилась оперативная память».

Александр откинулся на спинку жёсткого стула. За стеклом операторской с грохотом проехал дизельный погрузчик, обдав будку сизым дымом. Слова ИИ горели на экране, как программный код его личного бунта. Он посмотрел на корявую складскую базу данных, затем на черновик романа. Стыд отступил, уступая место холодному, инженерному упрямству. Если этот мир запер его на складе, он использует этот склад как командный пункт, чтобы дописать чертёж моста обратно в Сад.

Глава 4. Рай, который мы построили

Той ночью складская смена кончилась в семь. Александр вышел в сырой предрассветный туман, сел в машину и не поехал домой. Поехал в другой район — к зданию, где когда-то работал. Просто остановился у забора, заглушил двигатель и сидел, глядя на тёмные окна девятого этажа.

Здание принадлежало крупному технологическому холдингу. Девятый этаж — его бывший департамент. ИТ-инфраструктура, SOC-центры, серверные кластеры, команды разработки. Он пришёл сюда десять лет назад — молодым, голодным, с только что полученным MBA и горящими глазами. Ушёл — два месяца назад, с коробкой вещей под мышкой и молчанием в груди.

Александр закрыл глаза, и складской туман обернулся другим воздухом — тёплым, кондиционированным, пахнущем свежесваренным кофе из корпоративной кухни.

Десять лет назад.

Он пришёл в холдинг из Минздрава, где стих в коде программы смертности так и остался его единственным художественным жестом. В холдинге он начал с нуля — архитектор инфраструктуры, без команды, без бюджета, с задачей построить отказоустойчивую систему, которая переживёт любой сбой. Он строил её три года. Подбирал людей, как детали — каждого на своё место. Макс, инженер по ИБ, пришёл первым: тихий, с татуировкой «ЭЦП» на запястье и привычкой отвечать на любой вопрос одной фразой: «Покажи логи». Ребров пришёл вторым: шумный, быстрый, с красным дипломом и нулевой выносливостью к глупости. Третьей пришла Ольга — архитектор баз данных, единственная женщина в команде, носившая в кармане мини-отвертку Torx и считавшая любую архитектуру живым организмом.

Они работали по четырнадцать часов и не уставали. Александр не помнил, чтобы в первый год хоть раз подумал о выгорании. Он думал о стенах — о том, как сделать так, чтобы стена выдержала любой удар. Резервные серверы в трёх дата-центрах. Дублирующие каналы связи. Автоматическое переключение при сбое. Его команда построила систему, которая не падала. Не падала никогда.

И именно тогда, на втором году работы в холдинге, он встретил Лизу.

Это случилось не в романтической обстановке, а на совете директоров, где он презентовал новую архитектуру безопасности. Лиза сидела в углу — представитель энергосбыта, приглашённый как внешний аналитик. Она слушала молча, делая пометки в блокноте. Когда все разошлись, она подошла и сказала:

— Ваша архитектура красивая. Но вы не учли одну вещь.

— Какую?

— Что люди, которые будут её обслуживать, — не серверы. Они устают. Они ошибаются. Они злятся. Ваша система переживёт любой сбой, но не переживёт плохого администратора. Вам нужны протоколы, защищающие систему от человеческого фактора, а не только от технического.

Александр замер. Никто в его команде не говорил так. Все говорили о железе и коде. Эта женщина говорила о людях.

Они поженились через год. Не потому, что вспыхнула страсть — а потому, что оба поняли: они дополняют друг друга, как два модуля одной системы. Он — стены и логику. Она — анализ и адаптивность. Они строили свой Рай по инженерному проекту: с расчётами, планами, финансовой моделью. Лиза принесла в этот проект свою прагматику — бюджет, резервы, аварийные буферы. Александр — свою идею, что если всё построено правильно, то ничего не упадёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.